Черная ведьма в Академии драконов

Автор:
Надежда Мамаева

Черная ведьма в Академии драконов

Надежда Николаевна Мамаева

Светлые и тёмные #1

Каждый житель Светлых земель знает: черные ведьмы коварны, мстительны и злопамятны. А еще их всех сожгли на кострах. Ну хорошо, не всех. В Темных землях они остались и чувствуют себя там прекрасно! Но сюда – в империю, которой покровительствуют небесные боги, – исчадиям мрака ни в жизнь не проникнуть. А уж в академию белой магии и подавно. Но если в Темных землях на тебя открыли охоту и в спину дышит палач, то укрыться в стенах светлой академии – не самая плохая идея. Именно так подумала Вивьен Блеквуд и просочилась в магистерию под личиной скромной, несимпатичной и почти бездарной адептки. И все бы ничего, но ведьмин характер эликсиром не смоешь. А уж если украла (ну совершенно случайно) мелкого дракона у самого популярного старшекурсника, лучшего боевого мага, то жди мести. Вот только неизвестно, кто смыслит в вендетте больше: темные или светлые?

Надежда Мамаева

Черная ведьма в Академии драконов

Пролог

Год 9927-й от пришествия драконов

– Ни один некромант, ни один маг тьмы и тем паче черная ведьма не переступят порог Пресветлой Академии драконов! – Голос ректора разнесся по залу, отразился от окон и стен, эхом прокатился до задних рядов.

Казалось, усиленный магией звук был призван помимо воли слушателей доходить до их сознания, но… Порою даже заклинание десятого порядка бессильно. А все оттого, что добираться умным словам ректора было попросту не до чего. У иных находящихся в зале адептов в черепной коробке было столько же дум, сколько ледников в жаркой песчаной Эйгушской пустыне. Зато эти бравые студиозусы, не обремененные тяготами мыслительного процесса, были белыми магами. И пусть искра их дара едва теплилась. Зато белая. И точка.

После минувшего переворота темные чародеи были в опале. Две древнейшие расы – демоны и драконы – делили власть и рудники магического металла анария, но, как водится, в результате разделили мир на два лагеря. Увы, рогатые проиграли в сложной и запутанной подковерной игре, а вместе с ними и все их союзники. Не было выстрелов, битв, и мертвые тела не устилали поля сражений. Зато вдосталь – интриг, подлогов, дипломатических переговоров, а архимаги с обеих сторон продемонстрировали возможности новейших заклинаний. Так, ни на что не намекали, но испытания провели. Публичные и на бис.

Увы, светлые оказались теми еще черными и хищными душонками, хитрыми и охочими до новых земель. А главное – белых магов было гораздо больше. Как итог: эльфы, гномы, дриады, драконы и белые маги ныне смело осваивали территории, что ранее принадлежали темным, разрабатывали рудники.

Сумеречные маги посчитали за лучшее уйти за перевал. Не то чтобы они сильно впечатлились мощью светлых, скорее затаились. И в их земли путь заказан был любому, чья магия имела хоть проблеск светлого дара.

Простому люду до того, что пограничная вешка теперь переставлена на двенадцать полетов стрелы южнее или западнее, дела не было. У крестьян, ремесленников и горожан имелись свои насущные заботы: пахать и сеять, тачать и ткать, торговать. А налоги… Так всегда их платили. Не суть важно – темным князьям или светлым владетелям.

Но то простые смертные, обделенные даром. Они не правили, не делили трон или голоса сторонников, расчищая себе путь к власти. Простые люди и академий магических не строили, и тем более в них не учились. Они просто жили, радовались малому, печалились о проходящем.

– Эти стены – обитель высшего разума, света. И вы спустя семь лет выйдете отсюда не адептами, но магами. Борцами с нечистью и теми, кто не чист помыслами. Времена, когда люди и нелюди чурались друг друга, прошли. Их стерла Великая эпоха перемен. И один из сильнейших драконов – Кейгу Золотое Крыло, основавший нашу академию, заповедовал: из стен сей обители знаний выйдут только достойные, те, кто не убоится сразиться со злом во имя добра.

Глава 1

Триста лет спустя

– Да чтоб тебя!

Я чудом не выпала из летающей общественной лодки, когда та лихо затормозила у посадочной площадки академии. Эта зачарованная посудина, битком набитая в ранний час пассажирами, следовала по традиционному маршруту: пригород – академия – ткацкие мануфактуры – улицы столицы.
С утра, когда все спешили, в нее было не втиснуться. И хотя посадочных мест в лодке было всего три дюжины, а стоячих вроде как вообще не предусматривалось, но и пассажиры, и старый маг-кормщик, управлявший своей летающей развалюхой, на это правило плевали. На работу нужно было всем.
А мне вот – на учебу.

Зато сам проезд был дешев – одна медька. Так что я мирилась и мечтала о личной метле.

Вообще, идея зачаровывать для полета не только традиционные метлы пришла к магам не столь давно – всего полвека назад. И прижилась. Дешево, быстро, почти удобно, если не попадешь в давку.

Лодка остановилась, пассажиры незлобиво, скорее по привычке, ругнулись, кормщик зычным басом возвестил:

– Воздушный причал Академии драконов. Выходим, не задерживаемся.

Я спрыгнула на каменную площадку. За мной – еще с десяток пассажиров: кухарки, дворники, гардеробщицы – в общем, прислуга, что работала в стенах академии.

Лодка качнулась, словно пытаясь зачерпнуть бортами немного небесного тумана, а потом тронулась в путь. Погода сегодня была не просто пасмурная – чернильная. Небо, затянутое низкими, разбухшими от дождя и оттого тяжелыми тучами, грозило вот-вот разродиться ливнем. Но пока держалось: копило гнев и влагу, чтобы опрокинуть на нас, суетящихся на земле букашек, сразу водопад.

Я поежилась. Глянула вниз. Если решусь на самый быстрый вариант спуска – прыжок, то лететь мне добрую дюжину вздохов, а по приземлении от меня останется качественная отбивная. Ну почему эта площадка так высоко?! Вопрос риторический. Так удобнее магам-транспортникам: общественной лодке не нужно идти на снижение, чтобы высадить пассажиров. А последние – не сахарные, не растают, топая три сотни ступеней. И ладно поутру вниз, а вот в конце рабочего дня… Чтоб их Пресветлый побрал, этих оптимизаторов общественных маршрутов.

Как всякая истинная черная ведьма ругалась я, поминая имена только из пантеона светлых богов. Правда, ныне приходилось это делать исключительно про себя.

Мягко говоря, наше темное племя в академии недолюбливали. Причем порою столь рьяно, что светлые чародеи аж полыхали праведным гневом, а заодно и кострами, если удавалось отловить какого черного мага. Убивать уже не убивали, правда, лет сто как, но испытывать на своей шкуре процесс копчения темных не хотелось. Сдается мне, что славные обладатели светлой искры дара с удовольствием бы продолжили веселый шабаш под названием «Зажигаем с темными» (к слову, последние шли бы в качестве топлива), но сторонники демонов были очень уж верткими, хитрыми, быстро драпающими, а потому трудноуловимыми. И я в полной мере старалась поддерживать образ коварной и неуловимой темной: была мила, светла, приветлива, а если и проклинала, то

исключительно так, чтобы ни одна живая душа (да и мертвая тоже) не заподозрила, чьих это рук и языка дело.

Вот и сейчас я с самой милой улыбкой топала по ступеням винтовой лестницы вниз, во двор академии. Мило болтала с младшей кухаркой, совсем еще молоденькой девчушкой, о погоде, вполуха слушая ее стенания о неразделенной любви к какому-то старшекурснику. С этой девицей мы вроде как даже были подругами. Я вообще за последний месяц стала удивительно дружелюбна. А для черной ведьмы – так и вовсе исчерпала на дюжину лет вперед свой лимит на ту пакость, которую простые люди величают приятельством. Но деваться было некуда, и я дружила для виду и с кухарками, и с одногруппниками, и даже со своей квартирной хозяйкой. Хотя периодически, чисто по ведьминской дружбе, насылала на эту старую каргу заклинания ревматизма. Ибо одно дело пару раз приложиться к замочной скважине своим старушечьим глазом, а другое – проделать в стене комнаты две дырки для «посмотреть» и сдавать сей наблюдательный пункт за серебрушку всяким извращенцам. Правда, ушлая бабка нажиться на своей гениальной идее не смогла: ровно на место для гляделок я повесила картину… Но сам факт того, что за мой счет пытались обогатиться, причем дважды, возмутил меня до глубины души.

Я бы съехала из комнаты уже давно, но вот найти жилье за столь же мизерную цену даже на окраине столицы было нереально.

В итоге я терпела бабку, та – меня. Картина со стены регулярно падала, даже будучи прибита не только гвоздями, но и чернокнижными заклинаниями, а карга не теряла надежды обогатиться на тайном просмотре юной девы в неглиже, обитающей в естественных условиях съемного жилья.

Сегодняшнее утро не заладилось с самого начала: я чуть не проспала. Потом была ужасная давка в лодке, а теперь вот трескотня…

Я искоса взглянула на рябое лицо курносой кухарки… М-да. Ей бы подумать о своей ровне, каком-нибудь булочнике из соседнего дома или водовозе. Так нет… Мечтала оказаться лежащей на сеновале или иной горизонтальной поверхности непременно с этим адептом-аристократом. Вернее, грезила-то девчушка об ухаживаниях и поцелуях, но в итоге получила бы именно разглядывание потолка. А потом… В лучшем случае слезы и сопли. Про брюхатость и иные болезни, передаваемые половым путем (и частенько не без помощи ведьмовских проклятий – заявляю как специалист в области срамословия), кухарочка, видимо,

тоже не думала, заливаясь соловьем о достоинствах своего замечательного адепта.

Наконец мы спустились во двор. Тут уже в рядок у метелковязи выстроились летные метлы. Почему-то у адептов было особым шиком рассекать небо именно на них. Хотя черены метел нет-нет да и перемежались с паланкинами, шторы которых скрывали своих пассажиров. Чаще всего пассажирок, поскольку так предпочитали передвигаться по воздуху аристократки.

Прозвучал удар колокола, возвещая, что через две дюжины вздохов начнется первое занятие. Я ускорила шаг и поправила на плече холщовую сумку, или торбу, у которой еще вчера оторвалась тесемка, стягивавшая горловину. Оттого сейчас свитки и перья топорщились наружу, норовя вывалиться. По этой причине я всю дорогу, стоя в лодке, держала сумку, боясь, что в сутолоке лишусь своих записей.

Понимая, что сильно опаздываю, я перешла с шага на рысь. Юбка взметнулась вверх, обнажая щиколотки в белых чулках, но мне было не до приличий.

Я уже почти пересекла двор, когда прямо на меня, выходя из крутого пике, полетела здоровенная метла. Ее внушительный черен из мореного дуба мог легко выдержать трех рыцарей в полном боевом доспехе и дракона в крылатой ипостаси в придачу. Но пока таковых не было. Зато в седле метлы имелся белобрысый здоровяк.

Он-то и задрал черен своей леталки едва ли не вертикально.

Я успела отпрыгнуть в сторону в последний момент. Навершие метелки протаранило воздух в том месте, где я стояла миг назад. Седок пролетел вперед еще с десяток локтей и наконец остановился, отчаянно матерясь.

За его широкой спиной обнаружилась девица веселого и на все согласного вида: облегающая выдающиеся женские прелести тонкая блузка, кожаные штаны, распущенные рыжие волосы и призывно алая помада на губах.

– Куда прешь, курица! – именно со столь высококультурной фразы начала свой разговор эта яркая девица, отлипнув от спины седока. – Ты копыта отбросишь, напоровшись на черен, а Молоту потом штраф за такую убогую мозгами

платить? Если ничего в жизни не светит, то давай накинь белую простыню и ползи тихо к погосту, не мозоль глаза.

Здоровяк обернулся, чтобы смерить меня оценивающим взглядом. Высокий лоб и скулы, темные брови и притом светлые волосы – признак породы, что красноречивее всяких титулов. Точно такой же высокородный кобель, как и герой девичьих грез кухарочки.

– Че застыла изваянием, словно василиск тебя взглядом раздел? – хохотнула собственной плоской шутке рыжая.

Она прогнулась в пояснице, прильнув к адепту, и откинула голову, тряхнув власами. И тут выражение ее лица стало до отвратного глумливым.

– Хотя постой так еще немного, а лучше чуть пригнись. Тогда испытаешь всю радость взрослой жизни, когда тебя Волнолом насадит на свой черен…

Запоздало взглянула наверх. Если до этого я думала, что здоровенный блондин несся на меня тараном, то сейчас мне стоило взять свои слова назад и умилиться тому, как предупредительно и аккуратно он водил свою летунью.

Со скоростью арбалетного болта на меня мчался пепельный ураган. Этот ненормальный не просто падал камнем, нет. Он держал метелку одной рукой, заставляя ее лететь отвесно к земле с бешеной скоростью.

Мозг отстраненно успел подумать, что такими самоубийцами могут быть только драконы. Это им, сынам неба, мало простого полета. Обязательно еще и нервишки пощекотать, причем ладно бы себе, а то всем.

Я инстинктивно шарахнулась в сторону, поскользнулась и, уже падая в лужу носом, успела сделать то, что на моем месте сотворила бы любая уважающая себя ведьма. Пожелала…

Все утро я вела себя как образцовая светлая магиня, добрая и кроткая… А тут не сдержалась, ведь быть хорошей – это так изнашивает и утомляет.

Метелку у пепельного вихря резко мотнуло в сторону, нацелив ее черен аккурат на рыжую. Сильная загорелая рука дракона попробовала удержать изначальный курс. Ага, щас. Чернокнижное заклинание десятого порядка способно легко и пушечное ядро с курса сбить, не то что крылатого ящера.

Но, судя по всему, психа-летуна я все же недооценила: он успел оседлать свой транспорт в последние мгновения полета. Черен его метлы затрещал, когда до рыжей оставалось несколько локтей, и замер, не долетев до наглой девицы расстояния в каких-то две ладони.

Я медленно встала из лужи. Свитки с записями лекций были безнадежно испорчены: жижа залилась в сумку, основательно вымочив пергамент.

Стерла с лица грязь.

Рыжая гоготала, забавляясь. Кажется, она, как и белобрысый, не поняла: их от участи шашлыка только что спасла железная хватка пепельноволосого.

А вот дракон с подозрением уставился на меня.

– Ну, Волнолом, ты даешь. – Белобрысый слез с метлы. Он даже сделал несколько шагов, подходя и протягивая руку пепельноволосому. То, что при этом его большущие сапожищи растоптали мои самопишущие перья, здоровяк даже не заметил. – Я на один вздох даже решил, что ты не сможешь затормозить и все же врежешься…

Тот, кого белобрысый назвал Волноломом, не спешил пожимать протянутую руку, все еще буравя меня взглядом. Я не осталась в долгу и ответила тем же.

Высокий, жилистый, решительный и столь же опасный, как смертельное проклятие, пепельноволосый напоминал мне сейчас змею, готовящуюся к броску. Его гладкие волосы чуть ниже плеч отчаянно трепал ветер, так и норовя бросить очередную прядь в лицо.

Странное прозвище Волнолом ничуть ему не шло. Слишком он для него не монументальный, что ли. Сильный, да. Но скорее сильный силой клинка, а не скалы. Эта сталь способна и отразить удар, и согнуться дугою, а потом

распрямиться и ударить во сто крат мощней. А вот утес… Большой, неповоротливый, он рассекает собою волны и стоит недвижимо.

Пепельноволосый был текучей ртутью. Недаром даже макушка у него цвета этого металла.

Но это все я отметила машинально, пока меня изучали льдисто-голубые глаза. Внутри я поежилась от такого взгляда. Не зря чернокнижники говорят: нет драконов плохих и хороших, есть неверно выбранная дистанция. Так вот, в случае одного конкретного пепельного ящера: чтобы он был милашкой, расстояние до него должно составлять минимум пару полетов стрелы.

Между тем белобрысый, стоя с протянутой рукой, напомнил о себе:

– Волнолом, я думал, что тебя шоготты на летней практике сожрали. А смотрика, жив-здоровехонек.

Пепельноволосый нехотя оторвал от меня взгляд, спешился.

– Молот, ты лучше в следующий раз не останавливайся поперек посадочной полосы, – с изрядной долей холода в голосе произнес он.

– Так если бы кто другой был, я бы испугался, но ты-то всегда умеешь затормозить… – струхнув, выдал белобрысый.

– Я могу, а вот метла…

Только тут я заметила, что по всему древку драконьей метлы прошла молния трещины. Мне стало жаль. Жаль, что черен не развалился пополам. Тогда бы пепельноволосый при всем желании не успел остановиться, и вся эта троица провела бы веселенький день в лазарете, сращивая кости. И мне было бы не столь обидно так изгваздаться. Еще и конспекты, что выпали из сумки при моих маневрах, выпачкались в грязи. Придется переписывать (денег на зачарованный пергамент у меня не было, а вот на обычном все чернила уже наверняка размылись).

Но тут на шее пепельноволосого я заметила маленький драконий хвостик и про себя предвкушающе улыбнулась. Этот летун – неинициированный.

У всех, кто не был обделен толикой магии, на теле имелся рисунок. Он появлялся с самого рождения и рос вместе с владельцем. У драконов это был крылатый ящер в миниатюре, у дриад – дерево, у оборотней – щенок. У меня вот, например, дикий плющ. Сначала он был совсем маленький, черно-белый, и обвивал лодыжку. Потом, в день моего тринадцатилетия, я заметила, как его листья начали окрашиваться. И, судя по всем признакам, скоро он начнет путешествовать по моему телу. Точно так же как лазурный дракон сейчас крадется по шее пепельноволосого. Подвижная мета – это последняя стадия становления дара. После нее – инициация. Говорят, у драконов во время нее оживший рисунок сливается с сутью и так рождается крылатая ипостась. Причем мини-ящер у драконов именно того цвета, какого был рисунок.

Но дракон, кажется, даже не чувствует сейчас своей меты. А я девушка хозяйственная, бережливая.

– Аккуратнее надо быть! – С такими словами я сделала два шага.

Вроде бы в сторону, но резкий поворот головы – и мои волосы хлестнули по шее дракона. Это должно было сойти за компенсацию за оскорбленную добродетель. Пасс рукой, заклинание, которое я прошептала, почти не шевеля губами, – и замершая миниатюрной статуэткой добыча запуталась в моих кудрях.

Я лишь величественно распрямила плечи и двинулась прочь. И не важно, что при этом с моего подола стекала грязь, в туфлях хлюпало, а белые чулки превратились в серые.

В последний момент вспомнила, что стоит подарить наглым адептам немного теплоты. Щелчок пальцами – и все мои конспекты, что так и остались в луже, вспыхнули. Послышался басовитый мат белобрысого и визг девицы.

Я мотнула головой, перебрасывая прядь волос на грудь, аккуратно отцепила маленького дракончика. Да, украсть мету нельзя. Но это правило не распространяется на темных магов.

Раздался повторный звук колокола, оповещая, что занятие началось. Да чтоб его! Не успела.

Ужасно хотелось пропустить занятие вовсе и привести себя в порядок в туалете: почистить платье и чулки, причесать растрепанные волосы, умыться, в конце концов. Но в расписании значилась защита от темной магии – тот предмет, который мне, будущей магессе оборонительных заклинаний, посещать было просто жизненно необходимо. Как выразился ректор, кривясь и подписывая мой перевод из Рорского университета чародейства: «Госпожа Вивьен, помните, что ректорат в моем лице идет вам навстречу только лишь благодаря протекции магистра Блеквуда. Поэтому не заставляйте почтенного мэтра за вас краснеть, посещайте все лекции, практические занятия, сдавайте зачеты и экзамены вовремя. Тогда, возможно, вы заработаете мое уважение. Пока же вашей заслуги в том, что вы будете обучаться в одной из лучших академий Светлых земель, нет». А потом он помолчал и добавил: «В отличие от всех остальных адептов».

Прошел уже месяц, а я как сейчас помню напыщенную речь индюка, развалившегося в ректорском кресле и, верно, по ошибке щеголявшего пурпурной лентой, которой награждают героев за боевую доблесть и отвагу. Ну не могла я представить его холеные пухлые руки с мечом или боевым заклинанием, что крушат нежить. Зато эти ухоженные длани, унизанные перстнями, вполне могли брать мзду. Например, за одну «родственницу», которая решила перевестись из захолустья в столичную магистерию.

Касательно «остальных адептов», заслуживших возможность обучаться в стенах драконьей академии… никогда не поверю, что я тут одна такая уникальная. Вон сколько золотых пробковых деревьев в одной моей группе – дураки дураками, не могут запомнить простейших пентаграмм. И это они достойные и непогрешимые?

Злиться (то бишь пребывать в нормальном для черной ведьмы состоянии) я могла сколько угодно, но идти на занятие было надо. Мало того что оно профильное, так за неявку магистр Фабиус обязательно настрочит кляузу ректору: де госпожа Вивьен Блеквуд изволила прогулять защиту от темной магии без уважительной причины. Вот знал бы этот сморчок (ходили слухи, ему больше трехсот лет), что я не только защиту от себя самой прекрасно знаю, но и атаку на светлого мага могу прекрасно без конспекта ему оттарабанить!

Я подозревала, что магистр Фабиус питает ко мне чувство. Чувство глубокого презрения, подкрепленное ненавистью ко всему женскому роду. Мало того что я носила юбку, а значит, по мнению старикашки, уже была обделена умом от природы, так еще и поступила сразу на второй курс по протекции… В общем, этот пенек плешивый словно задался целью – исключить меня если не из академии, то из группы защитников.

Мне же вылетать из магистериума нельзя было ни в коем случае. А если учесть, что на днях в женском общежитии освобождалось место (не выдержала учебной – и любовной! – нагрузки одна первокурсница), то…

В общем, вся в грязи, мокрая и желающая всем сразу и оптом сдохнуть, я постучалась в двери кабинета. Заглянула, постаралась изобразить на лице милую улыбку. Получилось плохо. Осталось надеяться, что мой оскал все же не столь кровожаден, чтобы заподозрить во мне вампира.

– А-а-а… Адептка Блеквуд. Вы так спешили на занятие, что не разбирали дороги? – глумливо начал профессор, разглядывая меня. – И что же вам попалось на пути? По виду – так минимум Шумерлинская топь, где на вас напала кровожадная льерна. Но, судя по тому, что вы все же здесь, вы доблестно от нее отбились, и вот мы сейчас можем вас лицезреть…

Лучше бы на меня напала льерна, чем один чокнутый дракон и его дружок с рыжей в придачу.

К слову, льерна была весьма мирной тварью из рода гигантских иглобрюхих полозов. Сожрет косулю или человека, и больше никого после трапезы не трогает пару месяцев. С льернами темным магам порою можно было даже договориться, если перед этим животное хорошо накормить. А вот с Фабиусом подобный трюк, увы, не пройдет. Подозреваю, что даже двумя освежеванными козами преподавательскую глотку не заткнешь…

Магистр между тем упражнялся в остроумии, некоторые адепты подхихикивали. Причем делали это не оттого, что шутки магистра оказывались столь уж остры и изящны, а скорее в надежде польстить самолюбию привередливого хрыча.

– Садитесь, адептка Блеквуд. И в будущем постарайтесь являться на занятия в надлежащем виде.

Я мрачно потопала к своему месту. Да уж, черная ведьма, пусть даже вооруженная до зубов терпением, бессильна перед всемогущим женоненавистничеством Фабиуса. Иногда мне казалось, что еще немного – и оно, мое терпение, лопнет, забрызгав моей же злостью не только магистра, но и всех вокруг.

Села рядом с Корнелиусом – весельчаком и паяцем, обладавшим поистине бесценным даром: он мог трещать полдня напролет и при этом не раздражать.

– Ви, ну ты даешь! – вместо приветствия тихо выдал однокурсник.

Но даже сказанная шепотом фраза заставила преподавателя повернуть голову в нашу сторону.

– Тишины! Я требую тишины! – На щеках Фабиуса расцвели ярко-красные нервические пятна. – Защита от темных сил – это тот предмет, который вы все должны как минимум ценить! Ибо, только зная основы обороны от черных магов, вы сможете выжить. А те же, кто полюбит данный предмет всей душой, – не только выживут, но останутся целы и невредимы. Так что советую быть вам всем внимательными.

– И любить мой предмет, – тоном преподавателя, но так, чтобы услышала лишь я, выдал сосед.

Корнелиус был тот еще лицедей и кривляка, передразнивать всех и вся умел мастерски. Я едва сдержалась, чтобы не прыснуть. Знать предмет, разбираться в нем – это понятно. Но любить? Моя старшая кузина Барлин, к примеру, считала, что, когда мужчина не способен любить женщину, он начинает любить что попало: родину, императора, защиту от темных сил, пирожки с мясом… А в том, что известная сердцеедка и кокетка Бар разбиралась преотлично в существах, которые когда-то вылезли из женщины и до самой смерти стремятся залезть в нее обратно, сомневаться не приходилось.

Между тем голос магистра Фабиуса начал стихать: он, все еще что-то бубня, повернулся к доске. Легкий пасс его руки, и грифель взмыл над землей. Пара мгновений, и на черной поверхности начали появляться четкие линии – схема пентаграммы защиты от демонов низшей ступени.

Я перерисовывала ее на лист, которым со мной поделился сосед. К несчастью, мой конспект сгорел синим пламенем, как и все пергаментные свитки, что упали в лужу. Занятие тянулось нескончаемо долго. Занудный голос преподавателя, засохшая грязь, которая стягивала кожу, мокрая обувь…

Удару колокола я обрадовалась, как иная новобрачная свадебному гимну. Увы, я сильно поспешила быть счастливой.

– Я не закончил! – Фабиус воздел корявый перст к потолку.

Мы поникшими лютиками опустились на лавки.

– Через четыре седмицы вы все должны сдать рефераты. Темы написаны напротив ваших фамилий вот тут! – Старик потряс в воздухе листом. – И учтите! Не успеете вовремя, до турнира Четырех стихий, долги я принимать не стану, зачет тоже.

Как всегда, в своем репертуаре: максимум пафоса, минимум адекватности.

Профессор оставил лист на кафедре и степенным шагом удалился. Мы же рванули со своих мест. Когда я увидела свою тему, то скривилась. «Руническое письмо на коже мага как элемент защиты от темных чар на примере тела покойного архимага Энпатыра Медная Кирка», – значилось корявым почерком рядом со скромным В. Блеквуд.

Была у белых странность: простые, ничем не примечательные маги носили фамилии, а заслуженные и прославленные – прозвища. Многие адепты в подражание великим и усопшим тоже обзаводились подобными в обход имени рода. Как мне казалось, делали это юные маги по двум причинам: для солидности и подстраховать себя. Что до второго, то тут все понятно: если совершит студиозус великий подвиг, чтобы его не поименовали по месту оного. Ведь зачастую геройствовать приходилось в какой-нибудь деревеньке Жабки, Заячьи Рожки или Комариная Пустошь. Вот и выходило порою у непредусмотрительных, что и имя вроде известное, а улыбку вызывает: Вольдемар Большие Животинки или Марселина Гадючья Топь.

Я уже хотела записать тему. Но тут чей-то палец, до этого заслонявший часть строчки с моей фамилией, исчез. И стала видна приписка: «Посещение

усыпальницы архимага и перерисовка рун обязательна». Я чуть не завыла в голос. Мало того что это храм, куда ведьмам, пусть и неинициированным (а значит, еще с не совсем черной аурой), входить тяжело (скручивает так, что, того и гляди, сознание потеряешь), так еще и усыпальница, куда допуск для второкурсницы еще надо исхитриться получить. Как-никак мощи легендарного героя…

Покидала аудиторию в раздраенных чувствах. Да что за день сегодня такой! Вот это называется «проснулась и как давай жить!». Надо срочно что-то с этим делать, а то такими темпами я к вечеру революцию совершу.

Перво-наперво нужно привести себя в порядок. Бытовые заклинания у меня выходили через раз, поэтому решила просто добраться до туалета и хотя бы умыться. Но, увы, видимо, сегодня я чем-то разозлила Темного бога.

На пути мне попалась Арелия со своей свитой. С этой девицей с первой встречи я была сама вежливость. Как показал опыт – зря. Некоторым, чтобы самоутвердиться, нужна мишень для метания заклинаний. И отчего-то именно я приглянулась блондинке. Может, потому, что была ее полной противоположностью. Арелия – эдакое небесное создание. Нимфа, мать ее, во всех смыслах! Отцом белокурой красавицы был эльф, а вот матушкой – крылатая прелестница. Только подозреваю, что среди родни полукровки все же затесались лепрекон с гоблином – уж больно характер у нее был паскудный. В Темногорье ее бы ведьмы точно приняли за свою.

Впрочем, это Вивьен из рода Блеквудов – неприметная серая мышка, которая терялась на фоне блистательной Арелии. А вот Вивианита Эрастис кон Торастас из клана Полуночных ведьм могла бы дать фору белой лабораторной крысе, возомнившей, что если она в виварии самая раскормленная и толст… красивая и непревзойденная, то и во всем мире так.

Знала бы недоэльфийка, что мне для соответствия образу каждое утро приходилось умываться уродреей – эликсиром, обратным по действию пресловутой гламурее. В результате тонкие черты лица становились грубее, изящество исчезало вовсе, кожа вместо загорелой и смуглой начинала казаться землистой, а цвет глаз из насыщенно-зеленого менялся на невзрачный серый, да и вся я в целом превращалась в далеко немилашку. Вот только эликсир отчего-то был бессилен против отцовского наследства – густых каштановых, слегка вьющихся волос.

– Смотрите-ка, свинья вылезла из своей лужи и перепутала магистерию и хлев…

Арелия демонстративно помахала перед своим лицом ладошкой. Шутила она как-то слишком грубо для своих нимфо-эльфийских предков.

Но, в отличие от боковой ветви рода перворожденных, я была истинной черной ведьмой, которая руководствуется принципом: не копить обиды в себе, а просто либо прощать, либо убивать того, кто тебя огорчил. А поскольку милосердие у темного племени – атавизм, то я лишь мило улыбнулась Арелии, про себя решив: она крайне нуждается в хорошем проклятии.

– А я смотрю и вижу, как внешняя красота приобретает внутри уродливые формы… – пропела я в сторону, словно бы ни на что не намекая, но максимально громко, чтобы услышали все.

– Ты что этим хочешь сказать, убогая?

Нет, я, конечно, подозревала, что смазливая мордашка и ум идут зачастую параллельно, и, как всякие параллели, они не пересекаются, но чтобы настолько, как у Арелии… Сегодня меня достали. У меня было трудное утро, которое контрольным выстрелом добил Фабиус со своим рефератом, потому я подошла вплотную к блондинке, источавшей аромат лилий и малины (и почему тошнотворное сочетание сиропных запахов этой осенью считается наимоднейшим в столице?), и положила ей руку на кружевное жабо, словно хотела поправить пуговичку или складку. От такой наглости Арелия скривилась и уже хотела ударить меня изящными пальчиками с ледяными иглами вместо ногтей, которые она моментально отрастила, как я резким движением сграбастала ее за грудки. Полуэльфийка, произносившая заклинание «ледяных когтей», от удивления вскрикнула и потеряла концентрацию.

Между нашими лицами расстояние оказалось не больше перста. Мы смотрели глаза в глаза: я, чуть запрокинув голову, Арелия – вынужденно склонившись.

– У меня сегодня было поганое утро. А за ним начался отвратный день. И если ты еще хоть словом, хоть взглядом в мою сторону… – Я намеренно не договорила, но, полагаю, мой взгляд и без слов довершил фразу: «…убью».

Вообще, черные ведьмы умеют быть убедительны. Это у нас врожденный талант, передающийся из поколения в поколение и взращенный на материнском молоке.

Арелия сглотнула, на ее висках выступили бисеринки пота.

– Ты мне угрожаешь? – Она нашла в себе силы ответить. Правда, голос ее при этом слегка дрожал. – В тебе даже сила не пробудилась, первый уровень дара. И рискнешь вызвать меня на магический поединок?

– А кто говорит о честном бое? – Я усмехнулась так отчаянно, как может улыбаться либо сумасшедший, либо тот, кому нечего терять… Либо та, которую в десять лет бабуля лично познакомила с одним из архидемонов первородного мрака.

– Ты – отродье тьмы, – скривилась Арелия, видимо думая, что оскорбляет меня. – Только они нападают из-за угла и бьют в спину.

«Ну, не из-за угла, а с наиболее выгодной со стратегической точки зрения позиции. И не бьют в спину, а заботливо указывают противнику на его слабые места в защите», – поправила я про себя. Впрочем, вслух сказала другое:

– Ты обвиняешь меня в чернокнижии? Смеешь сомневаться в силе мертвого сердца Кейгу? Считаешь, что оно способно впустить в академию черного мага? Это попахивает посильнее любой лужи… Например, исключением, – выдохнула я блондинке прямо в лицо, и она вздрогнула.

Я знала, что попала точно в цель. В магистериуме были неоспоримы три вещи: слово ректора, непогрешимость артефакта, в который превратилось закаменевшее сердце дракона, основавшего академию, и свод из двенадцати академических правил. И только что Арелия усомнилась во втором постулате, на котором и держалось величие магистериума.

Нет, конечно, возмущались и приказами ректора, и тем, что артефакт распределения как-то странно порою показывает уровень силы мага, и кляли двенадцать правил. Но делали это тихо, в кругу друзей или тех, кого считали таковыми, а если вели речь в открытую, то чаще всего вылетали из академии. Ибо вольномыслие вольномыслием, но начальство трогать нельзя.

Арелия побледнела, дернулась, чтобы отпрянуть, но я держала ее крепко.

– Я подобного не говорила… – Она все же попыталась перешнуровать ботинки в прыжке.

– Зато я слушала.

В глазах Арелии плескалась ничем не замутненная ненависть.

– На подобную тебе не стоит тратить ни слов, ни взглядов, – прошипела полуэльфийка.

Хм… Кажется, кто-то не любил проигрывать, но если доводилось удирать с поля боя, то считал своим долгом оставить последний выкрик за собой.

– Рада, что мы друг друга поняли. – Я отпустила жабо красотки.

Она тут же отпрянула, фыркнула, распрямив плечи, и, не глядя на меня, двинулась прочь.

Ее свита, стоявшая чуть поодаль, пока мы вели милую беседу, лишь зашуршала юбками и зашушукалась, кося на меня осторожными взглядами, а потом потянулась за своей «королевой».

Я усмехнулась про себя. Да, когда-нибудь меня за мой длинный язык, язвительность и любовь к провокациям сожгут на костре, но пока я тут, в этой, свет ее подери, академии, поэтому продолжим-с. С таким настроем я наконец-то добралась до туалета.

Внутри никого не оказалось, и я смогла спокойно привести себя в порядок. Настроение, как ни странно, было замечательным. Арелия так легко повелась на провокацию. Сразу видно, не закаленная она гадючьими чернокнижными натурами моих кузенов и кузин. Вот те умели раскатать в тонкий пласт с милой улыбкой и без магии, заставляя меня тихо закипать от гнева и ждать. Ждать, когда пройдет инициация и я смогу как следует им отомстить.

Не дождалась. Пришлось срочно драпать туда, где не найдут. Тут-то бабуля и рассказала, что я смесок. И во мне течет кровь белого мага.

Вообще-то черные ведьмы – существа, не обремененные семейными оковами. Мы вольны выбирать, где, когда и с кем (сколько бы их ни было) проводить ночи. Правда, это бывает чаще уже после того, как темная магиня родит своего первенца… Увы, с моей матерью все случилось не по канонам. Она где-то на границе со Светлыми землями (а клан Сумеречных ведьм обитал как раз там) умудрилась подцепить светлого. Как ба заключила позже – шпиона. Тот, хоть и был отрыжкой небесной магии, но поступил как истинно темный папашка: бросил деву со своим приплодом и умотал к себе.

Мама, втюрившаяся по самые уши в этого урода со светлой аурой (хотя на рожу, судя по тому, что в моем лице выросло из его семени, был совсем даже ничего), на этой почве и инициировалась в шестнадцать лет. Вообще, это отличительная черта рода Эрастисов – поздняя инициация. Обычно она проходит медленно и постепенно, но у маман от нервов все случилось враз. А спустя положенный срок появилась и я.

Ба отнеслась к произошедшему философски, сказала, что чем больше черных ведьм, тем лучше, похвалила маму за быстрое вхождение в полную силу и… предложила забыть о том досадном инциденте и о том, что мой отец – светлый маг. Забыли. Основательно. Даже моя маман, которая меняла любовников как чулки.

Я бы так ничего и не узнала, если бы на мое девятнадцатилетие не случилась, скажем так, неприятность: меня захотели убить. Ба при всем своем желании противиться в открытую не могла, но как глава рода постаралась меня сберечь и… послала куда подальше. А точнее – к отцу, в Светлые земли.

Увы, родителя лично я не нашла, зато отыскался его дядя – почтенный и седой Блеквуд. Он долго тряс своей бородой, не веря, что родовой артефакт признал во мне единокровницу. Но как только сомнения отпали, а моя слезливая и ни разу не настоящая история провинциалки из захолустной академии, к которой непотребно приставал ректор, наоборот, запала магу в душу, то старика словно подменили. Он приложил все усилия, чтобы у его внучатой племянницы случилось если не несметное богатство – Блеквуд жил скромно, – то хотя бы приличное образование. Дед устроил меня в академию, где сам преподавал, и порывался в провинцию: вызвать ни о чем не подозревавшего ректора (к слову,

имя я взяла реальное) на магическую дуэль. Едва удалось его отговорить.

В первый день в столичной академии меня знатно потряхивало. И вовсе не от благоговения к детищу Кейгу Золотое Крыло. Было страшно, что темное наследие, хоть и не пробудившееся, заявит о себе. Но нет, оказалось, что неинициированная темная ведьма, у которой на уме в момент проверки были лишь мысли о добром и прекрасном, сойдет за побитую моль светлую.

В тот приснопамятный день я держала в руках мертвый камень, который, несмотря на свою полную и безоговорочную смерть, бился, пульсировал, как живое сердце. Мне было страшно до жути, но усилием воли я грезила о такой мерзости, как всепрощение и отзывчивость. И по сей день меня от подобного выворачивает, но тогда именно эти думы и наскребли во мне ту единицу светломагической силы. По десятибалльной шкале.

У нас же, темных, силу принято измерять в уровнях. Сколь глубоко во мрак может погрузиться маг и не сдохнуть при этом – такова и его сила. Точное число уровней не знал никто. Поговаривали, что у Верховного темного их было больше всех. У меня – пока тридцать, но ба после полной инициации пророчила все шестьдесят, а то и больше. Сама она гордилась преодоленным порогом в полсотни пластов тьмы.

В общем, белой магиней я оказалась никакущей, чем и расстроила Блеквуда. Но он, хоть и поник, с истинно светлым благородством предложил мне помимо протекции еще и кров. Я отказалась. И вовсе не из-за смущения. Просто светлому магу легче почуять во мне тьму, пусть и не вошедшую в полную силу, чем простой квартирной хозяйке, что сдавала мне комнату на отшибе.

Я бы и дальше у нее проживала, не задумываясь об общежитии, если бы не вестник от тетки Морриган. Когда ворон с зажатой в клюве запиской постучал ко мне в стекло, я пришла к выводу, что лучше мне обождать год в стенах академии.

Сообщение гласило: мои убийцы нашли способ на законных основаниях прибыть в столицу Светлых земель. А это значит, что теперь по улицам Йонля одной черной ведьме Блеквуд гулять опасно.

Чтобы выжить, мне в ближайший год не стоит и носа высовывать за ворота академии. Да, риск попасться магистрам возрастал во стократ даже по сравнению с домом Блеквуда, но и умирать от руки темных, что шли уже по мою душу, тоже как-то не хотелось. А своих сородичей я знала и их настойчивость тоже. Потому из двух зол выбирать пришлось свет.

Плеснула водой в лицо, отгоняя мрачные мысли, умылась. И только когда глянула в зеркало, поняла, что смыла-таки эликсир. Не успела выругаться, как в дверь с силой ударили.

– Выходи, поганка!

В сумке тут же ожил украденный дракончик. Видимо, почуял хозяина.

Глава 2

Я не глядя запустила руку в сумку и извлекла оттуда лазурную мелочь. Ящеренок брыкался, хлопал крыльями и норовил цапнуть.

– Гардрик, что вы делаете? Перестаньте ломиться в женскую уборную! – Негодующий женский голос явно принадлежал кому-то из преподавательниц.

Дверь, по которой уже пошла внушительная трещина, перестала прогибаться.

– Профессор Брук, прошу прощения…

Пепельный, видимо, начал разводить с магессой политесы.

Я же, обрадовавшись передышке, поняла, что надо срочно удирать. Через дверь – не вариант. Зато имелись вентиляция и маленькое узкое окошко под потолком.

Дракоша, которого я держала за хвост вниз головой, понял, что свобода просто так не дается, и плюнул в меня огнем. Запал был маленький, но приятного все

равно мало.

Тратя драгоценные мгновения, я выудила из сумки бутерброд с тонким, почти прозрачным кусочком колбасы.

– Подавись, – сунула мой сегодняшний обед в драконью мордочку.

Мета, хоть и была соткана из магии, оказалась на диво прожорливой и впилась своими мелкими клыками в угощение. Подбежав к окну, я запрыгнула на умывальник и, кое-как кончиками пальцев дотянувшись до створки, открыла ее.

– …Там одна моя знакомая. Она просила подождать ее у входа, но дверь заклинило, и теперь ей не выйти, – меж тем донеслось из коридора.

Все же швабра, вдетая в ручку двери, была отличной идеей. Как печенкой чуяла, что пригодится.

– Ну, знакомая, положим, выйдет. А кто будет ремонтировать дверь?

Видимо, магесса тоже потянула ручку на себя и убедилась, что просто так уборная не сдастся. Только штурм, только атака. Впрочем, подозреваю, что если за дело взялась профессор, то она скорее использует магию, а не силу. Поэтому счет шел на удары сердца.

Раз…

Я спрыгиваю с умывальника и слышу, как из-за двери доносится:

– Профессор Брук, я обязуюсь лично починить эту дверь и еще три таких же, только освободите мою знакомую…

А мне чудится в недосказанности окончание фразы: «Чтобы я мог лично свернуть ей шею».

Два…

Хватаю дракончика, что заглатывает шкурку от кусочка колбасы, сую его в сумку.

И слышу ответ профессора:

– Ну, раз вы так просите и обещаете все лично починить…

Три…

– Эристиус корвус!

Слова заклинания пропитывают воздух. Я вскарабкиваюсь на тумбу, что стоит под вентиляцией.

Четыре…

Дверь содрогается от попавшего в нее заклинания, а я закидываю сумку с драконом в вентиляцию и сама ввинчиваюсь в узкий лаз.

Пять…

Новая волшба – и от древка швабры, да и самой двери остаются одни щепки. Но я уже успела не только втянуть свое тело в вентиляционную шахту, но и приставить решетку.

Мы, черные ведьмы, когда дело касается спасения собственной шкуры, очень проворные.

Пепельный влетел в уборную и заозирался. Сведенные на переносице брови, побелевшие костяшки сжатых кулаков, злой взгляд – Гардрик был явно в бешенстве.

Дракоша завозился, пытаясь выбраться из сумки. Только не сейчас! Чтобы быстро усыпить мету, нужно заклинание третьего порядка, а оно всколыхнет магический фон. Пепельный, может, и не заметит, а вот профессор… не факт. Мелкие проклятия, которые недотягивают и до второго уровня, что звук падающего листа – если не видишь волшбы, то и не услышишь. А вот чем выше

порядок, чем больше сил вкладываешь, тем громче и отдача. И если адепты, которые еще не сталкивались с тьмой, могут ее заметить, но не придать значения, то сражавшиеся с мраком не ошибутся.

Женщина, вошедшая вслед за адептом в уборную, выглядела настоящим боевым магом – не чета ректору. Жилистая, с лицом, расписанным шрамами, и абсолютно лысым черепом. Зато осанка – точно меч проглотила. Да уж, если не знать, что она «госпожа», легко можно обратиться к ней «уважаемый лэр», а не «лэрисса».

– Похоже, вашей знакомой здесь нет, – с легкой издевкой протянула магесса.

Сквозь решетку я увидела, как пепельный повернул голову в сторону окна и застыл.

Между тем лазурный дракончик деловито вскарабкался на мое плечо, задрал мордочку и выжидательно уставился на одну черную ведьму. Я поднесла палец к губам: мол, тихо. Правда, при этом сильно сомневалась, что вредная тварюшка наделена хотя бы зачатками разума. Вон хозяин ее и тот еще маг без башни, что уж до маленькой меты…

«Сейчас спалюсь, а потом меня спалят, причем последнее – весело и всем дружным коллективом магистерии. Буду зажигалочкой внеплановой вечеринки, так сказать», – успела подумать, когда лазурный деловито облизнулся.

Я без слов поняла этого вымогателя. Ему понравилась колбаса, и он требовал продолжения банкета. Согласно кивнула. А что мне еще оставалось делать?

Хорошо, что у меты нет зова, иначе бы пепельный и головы в сторону открытой форточки не повернул… Неприятно, что этот сумасшедший дракон так быстро меня вычислил и нашел. Я же специально все свои конспекты, что валялись в луже, сожгла. Как говорится, себя не пожалела, чтобы сделать пакость недругу.

Лазурный затих, удовлетворенный своей дипломатической победой. Зато внизу самое интересное только начиналось.

– Видимо, ваша знакомая так жаждала встречи с вами, что сбежала через окно. Да и швабру не поленилась в ручку двери вставить. Полагаю, что исключительно из желания поскорее увидеться с вами, Гардрик…

Если бы голос разъедал, подобно кислоте, на месте дракона уже была бы шипящая воронка. Звук стираемой эмали зубов пепельного я услышала отчетливо.

– Потрудитесь починить эту дверь до заката. Инструмент можете получить у Цербуса в кладовой.

Лэрисса Брук прошлась между кабинок и задумчиво протянула:

– Интересно, кто так распалил наследника правящего клана, что он едва сдержался? Хотя… Кто бы это ни был, но, пока Гардрик будет работать молотком, он поостынет. – Магесса задумчиво взглянула на узкое окно под потолком и добавила: – Наверняка из искусниц. Это они все мелкие и смазливые.

Зазвучали решительные шаги, и я услышала, как ее рука резко отдернула решетку вентиляции.

– Странно, я бы между падением с третьего этажа и воздуховодной шахтой выбрала вторую, – донеслось до моего слуха.

Но нас с драконом в том рукаве уже не было. Мы ползли по боковому ответвлению. Как оказалось, вовремя удрали, не став дожидаться, когда и магесса уйдет.

Лаз оказался настолько узким, что я постоянно боялась застрять. На очередной развилке услышала разговор.

– В этот раз участвовать в отборочном туре могут только маги с уровнем дара не ниже седьмого, – удрученно вещал тенор под звуки льющейся воды.

– Значит, участники будут с двух последних курсов. Только там можно найти пару, чтобы и защитник и атакующий были такими, – авторитетно прогнусавил второй. – С первого по пятый курс нет ни одного сильного, полностью

пробудившегося. А если и вошли в силу, то с уровнем не выше трешки.

– Да, третьего уровня для победы на турнире маловато, даже если сцепка сработанная… Нужен минимум пятый.

А этот голос явно принадлежал Корнелиусу. И тут я поняла, что не вынесу больше. Нет, не темы разговора в мужской уборной, а пыли, набившейся в нос.

Чихнула. Оглушительно и с чувством, заставив троицу разом замолкнуть. Решив, что терять уже нечего, я толкнула решетку и практически ввалилась в дружный мальчишеский коллектив.

Все трое уставились на меня, как девственницы на обнаженного инкуба.

– Не каждый день на тебя падает такая неземная красота. Пусть и слегка пыльная, – ошалело выдал Корнелиус, пристально рассматривая меня. А потом подозрительно спросил: – А мы не встречались?

М-да, когда я после лекции сказал Кору, что пойду в дамскую комнату, дабы привести себя в порядок, то думала, что буду выглядеть слегка иначе.

– Конечно. Совсем недавно. Но я так скучала по тебе, милый, что решила прийти пораньше. И пришла.

Занавес. Теперь и Кор был ликвидирован на несколько мгновений, он судорожно вспоминал, где же мы могли видеться.

А я воспользовалась моментом, стряхнула с себя пыль и вышла из мужского туалета как ни в чем не бывало.

Идя по коридору с высоко поднятой головой, боковым зрением отметила, как на меня оборачиваются. Срочно! Нужно срочно найти укромное место, чтобы умыться уродреей, бутылек которой лежал на дне мой сумки.

Зря я вспомнила о своей холщовой торбе. В ней тут же активизировался прожорливый дракоша. Да что за день сегодня такой, только и успеваю в неприятности вляпываться. Утешала мысль, что это всего лишь плохой день,

а не плохая жизнь.

Между умыванием и подкупом я выбрала второе и резко сменила направление. В столовую. Обычно я обедала тем, что брала с собой, но сегодня разорилась на три бутерброда с ломтиками вяленого мяса.

Нет, если студенты хотели, то могли платить три золотых в месяц и получать комплексный обед. Пять – то не просто комплексный, а элитный. Вовсе же бесплатная еда была для тех, кто зачислен на стипендию. Но таких талантливых, одаренных и потенциально сильных магов было немного. А мне, бесперспективной белой единичке, приходилось выкручиваться.

Брать деньги у деда Блеквуда не хотелось, но мои финансы стремительно таяли. Скоро и вовсе помашут мне последней гнутой медькой. Надо было срочно искать работу, желательно в академии.

Да уж. Мои предки в гробу не раз перевернутся, если узнают, что их праправнучка, черная ведьма в девяносто третьем колене, наймется на работу к белым магам. Но лучше так, чем висеть на шее у старика, который живет на одно свое жалованье.

Заполучив бутерброды у гоблинши-буфетчицы, я разделила свою добычу: хлеб мне, мясо в сумку. Третий ломтик завернула в пергамент и спрятала отдельно.

Я сидела в закутке на подоконнике, болтала ногами, уплетая белый мякиш, и жмурилась от удовольствия, представляя, как кто-то сейчас усиленно работает молотком и психует.

Жаль, что мету оставить у себя нельзя. Все же кража – это веское преступление. Но пусть пепельный еще побесится, изойдет на нервы и гнев… Потом, так и быть, выпущу лазурного. Мелкий, если захочет, сам к хозяину дорогу найдет.

Дракоша, будто услышав мои мысли, выглянул из сумки и закурлыкал. На ласку напрашивался. Я усмехнулась. Все же не так мы и различны, светлые и темные. Взять те же меты: мы не слышим их. Зато они наш зов прекрасно слышат.

Я погладила лазурного по голове. Он зажмурился от удовольствия. А потом извернулся и ткнулся носом в ладонь. У-у-у, хитрец.

– Я свою часть договора выполнила. Теперь сиди до вечера тихо. Выполнишь – получишь еще вкусненького.

Пришел черед умывания. Хорошо, что у нашей группы сегодня была единственная лекция до обеда. У Фабиуса. Предполагалось, что потом мы до первого удара колокола просидим в библиотеке, а после перерыва и до вечера будет практикум по иллюзориям. Вела его магесса Илвия – дама весьма интересная.

Ее занятия я любила и посещала с удовольствием. Ведь нет ничего более правдивого, чем та иллюзия, в которую ты поверил. Эту простую истину знает каждая черная ведьма. Светлые маги тоже не чурались сей грани магии, но преподносили ее как науку, в то время как темные считали иллюзию скорее искусством. Светлые пытались запихнуть мираж в идеальное сочетание формул и графиков, а темные развивали в себе интуицию и доверяли ей в создании образов.

Мыслями я была уже на занятии, а руки тем временем доставали заветный пузатый пузырек черного стекла. Я ополоснула лицо и протерла ладони приятным, отдающим мятой эликсиром. И вновь кожа загрубела, став привычного землистого цвета. Вот и все. Невзрачная Вивьен Блеквуд готова приступить к занятиям.

Отличный у бабули рецепт. Простой, но верный. И главное, в нем такая капля магии, что ее и не учуять. Как говорится, у меня все натуральное, а что не натуральное, то почти естественное.

Дракоша улегся на дно сумки, свернулся калачиком и… уснул. Я доела хлеб и поспешила на занятия.

Время у магессы Илвии пролетело, как всегда, незаметно. Сегодня учились отличать фантомных чудовищ от реальных. Узнала много нового и интересного. Теперь, если Темный бог приведет пугать своими творениями светлых магов, я буду знать, куда эти белые подлецы будут бить в первую очередь.

Корнелиус был на удивление задумчив, нет-нет да и косил на меня взглядом, задумчиво останавливаясь на волосах. Но потом мотал головой, словно прогоняя бредовую мысль.

Вечер подкрался незаметно, заглянул в стрельчатое окно лучами заходящего солнца. Колокол возвестил об окончании занятий. Я так увлеклась, что даже забыла о пепельной неприятности, о реферате для Фабиуса и мелкой лазурной вредности. День выдался насыщенным.

Я слегка опасалась дракона. Если он так быстро вычислил меня, то наверняка сейчас поджидает у аудитории, и стоит мне только высунуть нос…

Все адепты уже давно вышли, а я все оттягивала миг расплаты. Идея пришла, когда стопка пособий, вырвавшись из аркана заклинания левитации, рассыпалась по полу.

Магесса вздохнула. Ей удавались сложнейшие заклинания иллюзий, но с простой бытовой магией преподавательница отчего-то не дружила.

– Вам помочь их отнести? – Я была сама вежливость.

– Да, Вивьен, если вас не затруднит.

Я обрадовалась и от жадности нагрузила себе стопку, которая закрывала меня ровно по макушку. Так, под щитом из пособий, прикрываемая магессой с тыла, я миновала выход из аудитории.

Справившись с почетной миссией носильщика, я рванула к посадочной площадке. Общественная лодка вот-вот должна была прибыть.

Вечером оказалось полно свободных мест, и дорога назад была почти комфортной. А что до запаха жареного лука с салом – так никто от соседа-гурмана в общественном транспорте не застрахован.

Добравшись до своей каморки, я с наслаждением потянулась, подошла к стене и в очередной раз повесила злополучную картину. За стеной кто-то досадливо сплюнул.

Прежде чем задернуть шторы, в который раз улыбнулась милой рекламной надписи на витрине, что красовалась напротив:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nadezhda-mamaeva/chernaya-ved-ma-v-akademii-drakonov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить